

М. Н. Усачёва

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКЕ КАК МЕТОД СБОРА ДАННЫХ И ПРОВЕРКИ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ)*

Статья посвящена экспериментальным исследованиям – сравнительно новой для полевой лингвистики технике работы. В основе ее лежит опыт автора, с 2010 г. проводящего эксперименты с носителями пермских языков: бесермянами и коми-язьвинцами. Речь идет об экспериментальных методиках разных типов: составление рассказа по картинкам, описание сюжета фрагмента немого мультфильма, сериальной репродукции, референциальной коммуникации и адаптации развивающих игр. Дается обзор направлений и тем, в рамках изучения которых полевые лингвисты в последние десятилетия проводят эксперименты. Излагаются результаты экспериментов, направленных на проверку гипотез о функционировании грамматических явлений в бесписьменных языках, на сбор новых лемм и примеров в ходе словарной работы и на получение первичных данных при исследовании грамматических тем. Даются краткие рекомендации относительно выбора конкретной методики. В частности, отмечается важность учёта жанра, режима (нарратив vs речевой режим) и типа (монолог vs диалог) предполагаемого экспериментального текста, поскольку для разных жанров, типов и режимов речи характерно доминирование разных групп лексики и разных грамматических конструкций. Показывается, что в случае удачного эксперимента доля целевых форм и конструкций в экспериментальных текстах бывает значительно выше, чем в корпусе спонтанных текстов. Утверждается, что даже в случае неудачи эксперименты ценны для полевой лингвистики, поскольку они открывают редкую возможность записать несколько часов полноценной живой речи, причем не только монологов-нарративов, но и диалогов.

Ключевые слова: Экспериментальные исследования, пермские языки, полевая лингвистика, методика референциальной коммуникации, методика сериальной репродукции, методы работы с бесписьменными идиомами.

К основным методам полевой лингвистики традиционно относят следующие: запись устных текстов (а также их транскрибирование, перевод и – зачастую – глоссирование**); перевод предложений с языка-посредника*** на исследуемый язык; элицитация****. В последние

* Экспериментальные исследования бесермянского диалекта удмуртского и коми-язьвинского языков проводятся при поддержке гранта РФФИ 16-24-17003 «Интегральный анализ именной группы в финно-угорских языках: поддержание референции и кодирование информационной структуры».

** Глоссирование – поморфемный перевод всех словоформ, встречающихся в высказывании, с использованием сокращенных унифицированных обозначений для грамматических категорий. Наиболее общепринятые правила унификации изложены в Лейпцигских правилах глоссирования (Leipzig glossing rules).

*** Язык-посредник – язык, на котором общаются исследователь и носитель документируемого языка или диалекта.

**** Элицитация – предъявление носителю сконструированных лингвистом высказываний на исследуемом языке с целью получить суждение о том, насколько они правильны.

же десятилетия всё большую популярность приобретает еще один метод – экспериментальный. В психолингвистике и экспериментальной лингвистике, для которых он основной, как главное требование к экспериментам выдвигается наличие базовой гипотезы, нуждающейся в эмпирической проверке. В полевой лингвистике эксперимент как средство проверки гипотез используется в первую очередь в исследованиях синтаксиса [Polinsky: to appear] и семантики [Arunachalam, Kothari 2011]. В области синтаксиса распространены экспериментальные исследования структуры именной группы [Kozlov et al. 2016; Arkhangelskiy, Usacheva: to appear] и эргативных конструкций [Longenbaugh, Polinsky 2017]. Что касается грамматической семантики, то эксперименты часто проводятся для проверки гипотез о значении и функциях посесивных показателей [Klumpp 2017; Eisenbeiss 2017a]. Однако невербальные стимулы бывают очень полезны и даже необходимы не только при проверке гипотез, но и для получения первичной информации по определенным грамматическим и лексическим темам. Важности невербальных стимулов для сбора данных в полевых условиях посвящена работа [Majid 2012]. Наиболее распространены типологические [Bowerman, Pederson 1992; Bowerman et al. 2004; Fortis et al. 2009 и др.] и (реже) конкретно-языковые исследования языковых единиц с пространственной семантикой [Arjava 2016]. Связано это с тем, что пространственные отношения очень легко моделируются. Кроме того, одни и те же стимулы можно предлагать носителям разных языков, так что результаты легко сравнивать между собой (что важно для типологических исследований). Невербальные стимулы просто необходимы для исследования цветообозначений и широко используются в таких исследованиях ([Uusküla, Bimler 2016; Ryabina 2014] и мн. др.). Существует даже более-менее общепринятая техника проведения экспериментов с цветообозначениями – она описана, например, в работе [Davies, Corbett 1995]. Полевые эксперименты проводятся также с целью сбора типологических данных по идеофонам [Tufvesson 2007], по способам выражения времени в пространстве [Boroditsky et al. 2008]. Эксперименты настолько востребованы полевыми лингвистами, что в программу некоторых университетов даже включают курсы по экспериментам в поле [Eisenbeiss 2017b].

Наша исследовательская группа проводит эксперименты с носителями пермских языков с 2010 г.* Цель данной статьи – обрисовать круг исследовательских задач, которые мы пытались решить с помощью экспериментов; представить читателю экспериментальные методики, которые мы использовали, и рассказать о результатах экспериментов. Набор тем, о которых пойдет речь в статье, ни в коем случае не является исчерпывающим. Мы только приступили к экспериментальному исследованию грамматики и лексики, так что круг проблем, которые могут быть эффективно решены с помощью экспериментов, разумеется, гораздо шире.

Все наши эксперименты проводились с бесермянами в д. Шамардан Юкаменского р-на УР с 2010 по 2018 г. и с коми-язвинцами в дд. Ванькова и Антипина Красновишерского р-на Пермского края в 2016 и 2017 гг.; новые эксперименты продолжаются и в настоящее время.

Бесермяне – небольшая народность, проживающая на северо-западе Удмуртии. Согласно последней Всероссийской переписи населения 2010 г., их численность составляет около 2200 чел. Бесермяне «сохраняют этноним, этническое самосознание, особенности в материальной и духовной культуре» [Попова 1998, 3] и говорят на особом наречии удмуртского языка, отличающемся от удмуртских диалектов. Основные отличия касаются фонетики и словарного состава [Кельмаков 1998; Люкина 2008]; некоторые есть и в морфологии. Начиная с 2003 г. в бесермянской д. Шамардан (Юкаменский р-н, УР) ведется работа по созданию бесермянско-русского словаря и бесермянской грамматики; эксперименты проводятся с жителями Шамардана для решения исследовательских задач по этим двум направлениям.

* Эксперименты, о которых идет речь в данной статье, проводились преимущественно совместно с О. Л. Бирюк (в 2010 г.) и Т. А. Архангельским (с 2015 г.). Две серии экспериментов – на нанизывание падежей и на номинализацию прилагательных – проводились автором статьи.

Коми-язьвинцы – этническая группа, компактно проживающая в Красновишерском р-не Пермского края. Предками их были пермяки-старообрядцы, переселившиеся в район р. Язьва в XVII в. [Чагин 1993, 7]; современные язьвинцы также исповедуют старообрядчество. Говорят они на коми-язьвинском наречии*, лексика и морфология которого близки к коми-пермяцким [Genetz 1897; Лыткин 1961]; лексика, однако, также характеризуется большим количеством русских заимствований. Фонетическая система коми-язьвинского наречия весьма архаична и сильно отличается от коми-пермяцкой и коми-зырянской систем, прежде всего – в области гласных и ударения [Harms 1983]. Эксперименты с участием коми-язьвинцев проводятся с 2016 г.; направлены они на получение текстов, на основе которых может быть написана коми-язьвинская грамматика.

В нашей исследовательской группе эксперименты проводятся по следующим методикам:

- составление рассказа по картинкам;
- пересказ сюжета фрагмента мультфильма;
- методика сериальной репродукции;
- методика референциальной коммуникации;
- адаптация игр разного рода (направленных на развитие речи, на обучение счёту, квестов-бродилек и др.).

Известно, что для текстов разных жанров и разных режимов речи** характерно доминирование разной лексики и разных грамматических конструкций. Так, например, для жанра речи «описание» характерна высокая частотность прилагательных. В нарративном режиме речи лексемы с действительной семантикой либо не употребляются вовсе, либо имеют особую интерпретацию: отсылают к наблюдателю [Падучева 1996]. Русский несовершенный вид в общефактическом значении характерен для речевого режима, но не для нарратива [Сичинава 2011]. Для синтаксических конструкций характерна также «избирательность по речевому режиму». Так, эллипсис – это отличительная черта разговорной речи, в письменном нарративе же он воспринимается как стилизация под устную речь [Коваленко 2006]. В горномарийском языке аорист в диалогах маркирует только недавние события, в монологах же это ограничение отсутствует [Голосов, Козлов: в печати]. В связи с тем, что частотность лексем определенных классов, морфологических и синтаксических конструкций в значительной степени определяется количеством коммуникантов (монолог vs диалог/полилог), режимом речи (нарративный vs речевой) и жанром текста, при выборе методики мы руководствуемся именно этими тремя параметрами.

Остановимся на каждой из перечисленных выше методик подробнее.

1. Составление рассказа по картинкам

Последовательность сюжетных картинок для стимуляции нарративного дискурса весьма широко используется в психолингвистике. Как альтернативу испытуемым иногда предлагают одну сложную картинку с изображением кульминации события. В работе [Худякова 2016] утверждается, что при условии правильной целевой установки (инструкции экспериментатора перед началом эксперимента) одной такой картинкой бывает достаточно для порождения испытуемыми хорошего нарратива. Согласно нашему опыту, использовать одну сложную картинку гораздо предпочтительнее. Многие носители пермских языков, с которыми мы работали, испытывали трудности при составлении рассказа по картинкам, поскольку им сложно было усвоить идею «разбиения» сюжета на фрагменты. Они трактовали последовательность картинок по принципу «одна картинка – одно событие», причем события зачастую даже не воспринимались как связанные между собой. Поэтому в ходе эксперимента на номинализацию прилагательных в бесермянском удмуртском, карточки из которого представлены на рис. 1, хорошие нарративы получить не удалось.

* Некоторые исследователи относят язьвинский к коми-пермяцким диалектам [Баталова 1993, 229], но в нашей работе мы трактуем его как отдельный язык.

** В данной статье используется трактовка термина «режим речи», предложенная Е. В. Падучевой [Падучева 1996], противопоставившей нарративный режим речевому.

Рис. 1. Последовательность сюжетных картинок
(часть стимулов из эксперимента на номинализацию прилагательных в бесермянском удмуртском)

Рис. 2. Последовательность картинок с единичными объектами (часть стимулов из эксперимента на номинализацию прилагательных в бесермянском удмуртском)

К сожалению, использование только одной картинки (или набора картинок с изображениями кульминаций разных событий) не позволяет управлять структурой дискурса. Для проверки некоторых гипотез важно бывает выделить какие-либо элементы изображения (например, цветом на черно-белой картинке). Такая необходимость возникает, когда нужно проверить влияние параметра контраста на какое-либо грамматическое явление. Другой возможный вариант – стимулировать тексты в жанре описания (чтобы получить большое количество прилагательных). В таких случаях вместо сюжетных мы используем картинки с единичными объектами (см. рис. 2) и просим испытуемых придумать сюжет.

2. Пересказ сюжета фрагмента мультфильма

Данный тип эксперимента ориентирован на получение монологов-нарративов, в которых описания чередуются с рассуждениями. Относительную длительность частей каждого жанра (описания vs рассуждения) можно регулировать с помощью монтажа. Техника проведения эксперимента следующая. Вначале из готового мультфильма отбирается фрагмент, из которого вырезаются ненужные части и звуковая дорожка. Видеофрагмент получается немой, чтобы язык, на котором говорят в мультфильме, не оказывал влияния на речь испытуемых. Крайне

желательно, чтобы длина итогового фрагмента, который будет предъявлен испытуемым, не превышала 5–6 минут, иначе испытуемые сильно устанут. Этот фрагмент-стимул предъявляют одному испытуемому. Вначале один или (при необходимости) два раза мультфильм показывают целиком, чтобы испытуемый понял сюжет. Затем испытуемого просят рассказать, о чём идёт речь в мультфильме, и демонстрируют его небольшими фрагментами длительностью по несколько секунд каждый. После каждого фрагмента воспроизведение останавливают, чтобы испытуемый мог максимально подробно описать сюжет.

Пересказ мультфильмов удобен как средство для стимуляции нарративов в том случае, если носителям сложно говорить с лингвистом на своем языке. Проверять гипотезы с помощью мультфильмов сложнее. Однако для некоторых тем можно подобрать подходящие мультфильмы. С помощью фрагмента мультфильма «Пётр и Петруша» (реж. Ю. Пронин, студия «Пилот», 2005 г.) в 2010 г. успешно была проверена гипотеза о том, что на выбор между локативной формой имени и группой с реляционным именем (изменяемым послелогом) влияют факторы информационной структуры (тема/рема и контраст). Мы подобрали фрагмент мультфильма, в котором никаких важных событий не происходит, но герои взаимодействуют с объектами ландшафта разных типов (идут по дороге мимо деревьев, переходят через мост, лезут на ель и т.п.). Тот же стимул в 2016 г. успешно использовали для сбора форм локативов (пространственных падежей) в коми-язвинском. Пересказ фрагментов мультфильма можно использовать также для проверки гипотез о функционировании любых грамматических форм и конструкций, характерных для нарратива: например, глагольных времён, дискурсивных посессивных показателей, конструкций со значением одновременности или последовательности и др.

В типологических проектах обычно используются альтернативные стимулы – короткие видеоролики. Однако, по нашему опыту, испытуемые – носители пермских языков – воспринимают видеоролики с большим трудом, поэтому мы предпочитаем мультфильмы.

3. Методика сериальной репродукции

Ориентированную на получение монологов-нарративов «методику сериальной репродукции» разработал выдающийся английский психолог Ф. Ч. Бартлетт [Bartlett 1920]. Заключается она в том, что первому испытуемому зачитывают фольклорное произведение народа, культура которого максимально далека от культуры, к которой принадлежит испытуемый. Первый испытуемый пересказывает текст второму, второй – третьему, третий – четвертому и т.д. В 2013 г. Р. И. Идрисов и Т. А. Архангельский провели эксперимент по этой методике с 9 носителями бесермянского удмуртского, предложив им перевод «Эпоса о Гильгамеше» на бесермянский. Итогом стала история о волосатом человеке, лесном жителе, которого все боялись, а потом его крестили, одели, обули и приняли в общество. Методика сериальной репродукции может быть использована для исследования функций посессивных показателей, цитативных частиц, для изучения явления прайминга*.

4. Методика референциальной коммуникации

Методика референциальной коммуникации (*referential communication tasks*) впервые была описана в работе [Krauss, Weinheimer 1966]. Основная область ее применения – эксперименты с детьми [O'Neill 1996; Pan, Snow 1999; Girbau 2001] и с глухонемыми людьми [Зайцева 1991]. С помощью данной методики решаются также некоторые специальные задачи: например, обучение иностранным языкам [Yule 1997]. Референциальная коммуникация подразумевает регистрацию диалога между испытуемыми, которые друг друга не видят (в классическом варианте методики они общаются по телефону или через непрозрачный экран; мы же просто сажаем

* Явление прайминга заключается в том, что при реакции на вербальный стимул говорящий склонен использовать те же слова, или то же морфологическое либо синтаксическое оформление, или то же значение слова, которое он в недавнем прошлом некоторым образом обработал (произнес, услышал или прочитал) [Юдина, Фёдорова 2009, 554].

носителей спиной друг к другу). Один из собеседников, Инструктор (Director) обладает некоторой информацией, которую он должен вербально передать другому собеседнику, Раскладывающему (Matcher). В методике референциальной коммуникации выделяются два основных типа экспериментов: упорядочивание предметов, сложенных в кучу, и нахождение правильного пути в лабиринте. Эксперимент первого типа представлен на рис. 3: инструктор описывает взаимное расположение карточек на поле.

Наличие поля, на котором экспериментатор раскладывает карточки, зависит от типа конструкции, на проверку которой направлен эксперимент. Так, гипотезы о функционировании бесермянских форм с несколькими падежными показателями (case compounding) в позиции субъекта, косвенного объекта и сирконстантов мы проверяли, раскладывая карточки на фотографии д. Шамардан, где проводился эксперимент. Для исследования таких же форм в позиции прямого объекта пришлось проводить эксперимент с раскладыванием карточек на столе.

Тип эксперимента «нахождение правильного пути в лабиринте» представлен на рис. 4. На фотографии представлен выполненный из ватмана макет деревни, в которой проводился эксперимент, а также деревянные фигурки людей, машинки и некоторые предметы (сумки, батоны хлеба и пачки сахара). В ходе эксперимента лингвист передвигал фигурки по макету местности, а Инструктор описывал его действия так, чтобы Раскладывающий, располагающий точно таким же набором фигурок, мог эти действия повторить.

С помощью методики референциальной коммуникации очень удобно работать с конструкциями, характерными для диалогов: с эллипсисом, относительными предложениями, с дискурсивными посессивными показателями. Мы широко использовали эту методику для проверки гипотез о структуре именной группы в бесермянском удмуртском и особенно в коми-язвинском. М. С. Панкова и Р. И. Идрисов с ее помощью собирали материал для изучения интонации коротких повествовательных высказываний в бесермянском удмуртском, Т. А. Архангельский – для исследования бесермянских цветообозначений. Кроме того, мы считаем методику референциальной коммуникации оптимальной для проверки влияния факторов информационной структуры (темы/ремы, контраста, эмфазы).

Рис. 3. Эксперимент по методике референциальной коммуникации: упорядочивание предметов, сложенных в кучу

Рис. 4. Эксперимент по методике референциальной коммуникации: нахождение правильного пути в лабиринте

5. Адаптация игр

Очень хороший ресурс для лингвиста, планирующего эксперимент, – разного рода игры. У них есть правила, достаточно жестко ограничивающие структуру текстов, порождаемых во время игры. Например, игра «Шляпа», в ходе которой один из игроков должен объяснить прочитанное с бумажки слово другому так, чтобы тот его угадал как можно быстрее, стимулирует порождение текстов описаний или (реже) нарративов. Мы проводили эту игру с носителями бесермянского удмуртского для того, чтобы пополнить словарь бесермянско-русского словаря синонимами и антонимами уже имеющихся лемм, а также собрать естественные примеры для словарных статей.

Для проверки гипотезы о продуктивности отглагольных названий места в бесермянском удмуртском была создана настольная игра-квест, поле которой представлено на рис. 5. В ходе игры каждый из двух испытуемых кидал кубик, передвигал фишку на поле рядом с изображениями бесермянских обычаев и праздников и комментировал свои действия.

С целью изучения поведения бесермянских частиц в общих вопросах Ю. Н. Зубова проводила игру «Да-нетка», в ходе которой один из игроков загадывал слово, а второй пытался его угадать, задавая вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет». Совместно с Ю. Н. Зубовой мы планируем провести игру «Найди десять отличий» для изучения комитативных конструкций в бесермянском удмуртском и коми-язьвинском. По нашему глубокому убеждению, игры представляют собой прекрасный ресурс для экспериментов. С их помощью можно изучать самые разнообразные явления в области грамматики и лексики.

Рис. 5. Стимул для эксперимента на отглагольные названия места в бесермянском удмуртском: игра-квест (художник Т. А. Панова)

6. Результаты экспериментов

В случае удачного эксперимента можно проверить гипотезу о влиянии определенных факторов на употребление грамматических форм и конструкций в бесписьменных идиомах. Если эксперимент спланирован и проведён правильно, доля целевых форм и конструкций в экспериментальных текстах будет гораздо выше, чем в среднем по корпусу. В табл. 1 представлены данные о количестве и частотности форм с пространственным значением и форм с несколькими падежными показателями (*case compounding*) в бесермянском устном корпусе и в корпусах текстов, полученных в ходе экспериментов на пространство и на нанизывание падежей. Доля форм с пространственным значением в текстах из эксперимента на пространство в 2,5–5,5 раз выше, чем в устном корпусе. Соответственно, вероятность встретить нужную для исследования форму в этих текстах также выше – причем не в 5,5 раз, а больше, поскольку в ходе эксперимента стимулировалось порождение пространственных форм определенного типа (конструкций с реляционными именами и форм локативных падежей от обычных имен, синонимичных друг другу). Количество редких форм с нанизыванием падежей в экспериментальном корпусе в 23 раза выше, чем в устном.

Таблица 1

Доля целевых форм в бесермянском устном корпусе
и в экспериментальных корпусах

	Бесермянский устный корпус http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru	Эксперимент на пространство 2010	Эксперимент на case compounding 2015–2016
пространственные реляционные имена*	695 (1,4 %)	1143 (8 %)	-----
формы локативных падежей	2212 (4,5 %)	1726 (12 %)	-----
case compounding	3	1	70
Объем корпуса	49 175	14 180	24 500

С помощью экспериментов можно не только проверять гипотезы, но и осуществлять первичный сбор материала в условиях ограниченного времени и недостатка текстов для корпуса. В 2016 г. мы проводили с коми-язьвинцами эксперимент на референциальную коммуникацию, чтобы собрать данные о локативных падежах и реляционных именах. В ходе эксперимента удалось записать около 4 часов текста, содержащего большое количество таких форм.

При сборе словарных данных эксперименты помогают расширить словарь благодаря синонимам, антонимам и коллокациям, собрать естественные примеры для словарных статей. Наконец, даже неудачный эксперимент всегда очень полезен для проекта по документации исчезающих языков. На таких языках бывает нелегко записать естественные тексты; кроме того, большую часть таких текстов обычно составляют монологи-нарративы. Результат же любой серии экспериментов – это несколько часов естественных текстов, зачастую – диалогов. Такой результат для полевых лингвистов ценен сам по себе.

ЛИТЕРАТУРА

Баталова Р. М. Коми-пермяцкий язык. Языки мира: Уральские языки / ИЯ РАН. М.: Наука, 1993. С. 229–239.

Голосов Ф. В., Козлов А. А. Наблюдатель в семантике прошедших времён горномарийского языка. Acta Linguistica Petropolitana. В печати.

* Пространственное реляционное имя – это имя с пространственным значением, обязательно имеющее при себе зависимое. В пермских языках такие имена обозначают либо части предметов (верх, низ, край, кромка и т.п.), либо локализацию – местонахождение объекта относительно ориентира (внутри, в контакте с поверхностью и т.п.).

- Зайцева Г. Л.* Дактилология. Жестовая речь. М.: Просвещение, 1991. 159 с.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
- Коваленко Е. В.* Эллиптические структуры как элемент художественного текста (на материале англоязычной оригинальной и переводной литературы): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. Рукопись. 228 с.
- Люкина Н. М.* Особенности языка бализинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика): дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008. Рукопись.
- Лыткин В. И.* Коми-язвинский диалект. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 228 с.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Попова Е. В.* Семейные обычаи и обряды бесермян. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 241 с.
- Сичинава Д. В.* Несовершенный вид. Материалы к проекту корпусного описания русской грамматики: Рукопись. М., 2011. [Эл. ресурс]. URL: <http://test.rusgram.ru/taxonomy/term/48#313> (дата обращения 10.09.2018).
- Худякова М. В.* Один рисунок или серия? Влияние типа стимула на характеристики нарратива // Семнадцатая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 2016. С. 605–607.
- Чагин Г. Н.* Язвинские пермяки: история и традиции. Пермь: Пермский областной творческий центр, 1993. 26 с.
- Юдина М. В., Фёдорова О. В.* Разрешение синтаксической неоднозначности: эффекты прайминга и самопрайминга // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009» (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). М.: РГГУ, 2009. С. 554–558.
- Arjava H.* Experimenting on spatiality: elicitation with three-dimensional toys in a field study of Erzya. Shagal K., Arjava H. (eds.) // *Mordvin languages in the field (Uralica Helsingiensia 10)*. Helsinki, 2016, pp. 319–338.
- Arunachalam S., Kothari A.* An experimental study of Hindi and English perfective interpretation // *Journal of South Asian Linguistics*. 2011. Vol. 4. Pp. 27–42.
- Arkhangelskiy T., Usacheva M.* Case compounding in Beserman Udmurt // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri*. Vol. 9. To appear.
- Bartlett F. C.* Some Experiments on the Reproduction of Folk-Stories // *Folklore* 31, 1920, no. 1 (Mar. 30, 1920), pp. 30–47.
- Boroditsky L., Gaby A., Levinsom S. C.* Time in space. Majid A. (ed.). *Field manual 11*. Nijmegen, Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2008, pp. 52–76. URL: <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/2008/time-in-space> (accessed 04 November 2017).
- Bowerman M., Pederson E.* Topological relations picture series. Levinson S. C. (ed.) // *Space stimuli kit 1.2*: November 1992, 51. Nijmegen, Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1992. <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/1992/bowped/> (accessed 04 November 2017).
- Bowerman M., Gullberg M., Majid A., Narasimhan B.* Put Project: the cross-linguistic encoding of placement events. Majid A. (ed.) // *Field manual 9*, pp. 10–24. Nijmegen, Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. URL: <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/2004/put-project> (accessed 04 November 2017).
- Davies I., Corbett G.* A practical field method for identifying basic colour terms // *Languages of the World* 1995, vol. 9 (1), pp. 25–36.
- Eisenbeiss S.* Course on possessive constructions at the University of Cologne. 2017. URL: <https://experimentalfieldlinguistics.wordpress.com/> (accessed 28 August 2018).
- Eisenbeiss S.* Experimental linguistics in the field. Course at the University of Cologne. 2017. URL: <https://experimentalfieldlinguistics.wordpress.com/course-psycholinguistics-and-fieldwork/> (accessed 27 August 2018).
- Fortis J.-M., Grinevald C., Kopecka A., Vittrant A.* Trajectoire. 2009. URL: http://www.ddl.ish-lyon.cnrs.fr/trajectoire/TUL_TRAJ_141209.pps (accessed 05 November 2017).
- Genetz A.* Ost-Permische Sprachstudien. Helsingfors: Finnische Literatur-Gesellschaft, 1897. 155 p.
- Girbau D.* Children's Referential Communication Failure: The Ambiguity and Abbreviation Message // *Journal of Language and Social Psychology*. 2001, vol. 20 (1–2), pp. 81–89.
- Harms R.* On the nature of Jaz'va stress // *Nyelvtudományi közlemények [Linguistic publications]*. 1983. Vol. 85. Pp. 335–339.

Krauss R. M., Weinheimer S. Concurrent Feedback, Confirmation and the Encoding of Referents in Verbal Communication // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol. 4. Pp. 343–346.

O'Neill D. K. Two-year-old Children's Sensitivity to a Parent's Knowledge State When Making Requests // *Child Development*. 1996. Vol. 6. Pp. 659–677.

Pan B. A., Snow C. E. The Development of Conversational and Discourse Skills. Barrett M. The Development of Language. London: Psychology Press, 1999. Pp. 229–250.

Ryabina E. A study of loan colour terms in the Komi languages // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri*. 2014. Vol. 5–2. Pp. 91–116.

Uskula M., Bimler D. How universal are focal colors after all: a different methodology for identifying focal colors // Paulsen G., Uskula M., Brindle J. (eds.). *Color language and color categorization*. Cambridge, 2016, pp. 2–39.

Yule G. *Referential Communication Tasks*. Mahwah: Erlbaum, 1997. 125 p.

Поступила в редакцию 21.11.2018

Усачёва Мария Николаевна,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,

Институт языкознания РАН

125009, Россия, г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/12

e-mail: mashastroeva@gmail.com

M. N. Usacheva

Experiments in field linguistics as a method of gathering the data and of checking scientific hypotheses (based on Permic languages)

The article is devoted to a workflow which is relatively new for field linguistics – i.e., to experiments. It is based on the author's work with speakers of Permic languages (Besermans and Yazva Komi) since 2010. The author describes experimental methods of different kinds: telling stories based on series of pictures, describing the plot of a mute cartoon fragment, serial reproduction, referential communication, and adaptation of games. She pays attention to themes and directions of study which require conduction of experiments. She gives results of experiments which were conducted in order to check hypotheses about grammatical phenomena in unwritten languages, to gather new lemmata and examples for the dictionary, and to get initial data for grammar studies. The author gives recommendations how to choose the right method. In particular, much attention is paid to genre (narrative, description etc.) and to the type of speech (monologue vs dialogue) of intended texts, since different words and constructions are frequent in different types of texts. It is shown that if the experiment is successful the experimental texts contain much more required forms and constructions than a corpus of spontaneous speech does. The author claims that even if an experiment is unsuccessful results are very important for field linguistics since the linguist has a chance to record several hours of vivid speech, especially dialogues.

Keywords: Experiments in the field, Permic languages, field linguistics, referential communication tasks, serial reproduction, working with unwritten idioms.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 1, pp. 149–160. In Russian.

REFERENCES

Batalova R. M. Komi-permyatskii yazyk [The Permiak language]. *Yazyki mira: Ural'skie yazyki* [Languages of the world: Uralic languages]. Moscow, Nauka, 1993. Pp. 229–239. In Russian.

GolosoV F. V., Kozlov A. A. *Nablyudatel v semantike proshedshikh vremen gornomariiskogo yazyka* [The spectator in the system of past tenses in Hill Mari]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Sankt-Petersburgh, in print. In Russian.

Zaitseva G. L. *Daktilologiya. Zhestovaya rech'* [Dactylogy. Gesture speech]. Moscow, Prosveshchenie, 1991. 159 p. In Russian.

Kelmakov V. K. *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya* [A sketch of Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Texts in Udmurt dialects. References]. Izhevsk, Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 1998. 386 p. In Russian.

Kovalenko Je. V. *Ellipticheskie struktury kak element khudozhestvennogo teksta (na materiale angloyazychnoi original'noi i perevodnoi literatury): Dis. ... kand. fil. nauk* [Elliptic structures as an element of literary texts (based on texts written in English and their translations). Cand. phil. sci. diss.]. Sankt-Petersburgh, 2006. 228 p. In Russian.

Lyukina N. M. *Osobennosti yazyka balezinskikh i yukamenskikh besermyan (sravnitel'naya kharakteristika): Dis. ... kand. fil. nauk* [Peculiar properties of the language of Balezino Besermans and of Yukamenskoye Besermans (a comparative study). Cand. phil. sci. diss.]. Izhevsk, 2008. In Russian.

Lytkin V. I. *Komi-yaz'vinskii dialekt* [Yazva Komi dialect]. Moscow, Izdatelstvo AN SSSR. 228 p. In Russian.

Paducheva Je. V. *Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Investigations of semantics. Semantics of time and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow, Yazyki russkoj kultury, 1996. 464 p. In Russian.

Popova Je. V. *Semeinye obychai i obryady besermyan* [Family customs and rituals of Besermans]. Izhevsk, UIIJaL UrO RAN, 1998. 241 p. In Russian.

Sitchinava D. V. *Nesovershennyi vid. Materialy k projektu korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Imperfective. Materials to the project of corpus-based description of Russian grammar]. Manuscript. Moscow, 2011. In Russian. URL: <http://test.rusgram.ru/taxonomy/term/48#313> (accessed 10 September 2018).

Khudyakova M. V. *Odin risunok ili seriya? Vliyaniye tipa stimula na kharakteristiki narrativa* [One picture or a series of them? Influence of the type of stimulus on characteristics of narrative]. Alexandrov Ju. I., Anokhin K. V. (eds.). *Semnadsataya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke. Tezisy dokladov* [The XVIIth international conference on cognitive science. Abstracts]. Svetlogorsk, 2016. Pp. 605–607. In Russian.

Chagin G. N. *Yaz'vinskii permyaki: istoriya i traditsii* [Yazva Permian people: history and traditions]. Perm', Permskiy oblastnoy tvorcheskiiy centr, 1993. 26 p. In Russian.

Yudina M. V., Fedorova O. V. *Razresheniye sintaksicheskoi neodnoznachnosti: efekty praiminga i samopraiminga* [Resolving of syntactic ambiguity: priming and self-priming effects]. Kibrik A. Je. et al. (eds.). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog 2009" (Bekasovo, 27–32 maja 2009 g.)* [Computational linguistics and artificial technologies: Proc. Annual International conference "Dialogue 2009" (Bekasovo, 27th – 31th may 2009)]. Moscow, RGGU, 2009. Pp. 554–558. In Russian.

Arjava H. *Experimenting on spatiality: elicitation with three-dimensional toys in a field study of Erzya*. Shagal K., Arjava H. (eds.). *Mordvin languages in the field (Uralica Helsingiensia 10)*. Helsinki, 2016, pp. 319–338. In English.

Arunachalam S., Kothari A. *An experimental study of Hindi and English perfective interpretation*. *Journal of South Asian Linguistics*, 2011, vol. 4, pp. 27–42. In English.

Arkhangelskiy T., Usacheva M. *Case compounding in Beserman Udmurt*. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri* [Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics], vol. 9. To appear. In English.

Bartlett F. C. *Some Experiments on the Reproduction of Folk-Stories*. *Folklore* 31, 1920, no. 1 (Mar. 30, 1920), pp. 30–47. In English.

Boroditsky L., Gaby A., Levinson S. C. *Time in space*. Majid A. (ed.). *Field manual 11*. Nijmegen, Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2008, pp. 52–76. URL: <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/2008/time-in-space> (accessed 04 November 2017). In English.

Bowerman M., Pederson E. *Topological relations picture series*. Levinson S. C. (ed.). *Space stimuli kit 1.2: November 1992, 51*. Nijmegen, Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1992. <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/1992/bowped/> (accessed 04 November 2017). In English.

Bowerman M., Gullberg M., Majid A., Narasimhan B. *Put Project: the cross-linguistic encoding of placement events*. Majid A. (ed.). *Field manual 9*, pp. 10–24. Nijmegen, Max Planck Institute for Psycholinguistics, 2004. URL: <http://fieldmanuals.mpi.nl/volumes/2004/put-project> (accessed 04 November 2017). In English.

Davies I., Corbett G. *A practical field method for identifying basic colour terms*. *Languages of the World* 1995, vol. 9 (1), pp. 25–36. In English.

Eisenbeiss S. *Course on possessive constructions at the University of Cologne*. 2017. URL: <https://experimentalfieldlinguistics.wordpress.com/> (accessed 28 August 2018). In English.

Eisenbeiss S. *Experimental linguistics in the field. Course at the University of Cologne*. 2017. URL: <https://experimentalfieldlinguistics.wordpress.com/course-psycholinguistics-and-fieldwork/> (accessed 27 August 2018). In English.

Fortis J.-M., Grinevald C., Kopecka A., Vittrant A. Trajectoire. 2009. URL: http://www.ddl.ish-lyon.cnrs.fr/trajectoire/TUL_TRAJ_141209.pps (accessed 05 November 2017). In French.

Genetz A. *Ost-Permische Sprachstudien.* Helsingfors, Finnische Literatur-Gesellschaft, 1897. 155 p. In German.

Girbau D. Children's Referential Communication Failure: The Ambiguity and Abbreviation Message. *Journal of Language and Social Psychology*, 2001, vol. 20 (1–2), pp. 81–89. In English.

Harms R. On the nature of Jaz'va stress. *Nyelvtudományi közlemények* [Linguistic publications], 1983, vol. 85, pp. 335–339. In English.

Krauss R. M., Weinheimer S. Concurrent Feedback, Confirmation and the Encoding of Referents in Verbal Communication. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1966, vol. 4, pp. 343–346. In English.

O'Neill D. K. Two-year-old Children's Sensitivity to a Parent's Knowledge State When Making Requests. *Child Development*, 1996, vol. 6, pp. 659–677. In English.

Pan B. A., Snow C. E. The Development of Conversational and Discourse Skills. Barrett M. *The Development of Language.* London, Psychology Press, 1999, pp. 229–250. In English.

Ryabina E. A study of loan colour terms in the Komi languages. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri* [Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics], 2014, vol. 5–2, pp. 91–116. In English.

Uusküla M., Bimler D. How universal are focal colors after all: a different methodology for identifying focal colors. Paulsen G., Uusküla M., Brindle J. (eds.). *Color language and color categorization*, Cambridge, 2016, pp. 2–39. In English.

Yule G. *Referential Communication Tasks.* Mahwah, Erlbaum, 1997. 125 p. In English.

Received 21.11.2018

Usacheva Maria Nikolaevna,

Candidate of Sciences (Philology), Senior Research Fellow,

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1/12, Bolshoy Kislovskuy pereulok, Moscow, 125009, Russian Federation

e-mail: mashastroeva@gmail.com